

Очерки Кемского Поморья.

(Из поездки по Белому морю в карбасе).

Сообщение между селами Поморья в Кемском у. в зимнее время еще не так давно поддерживалось исключительно санным путем, и лишь с 1916 г., в районе Кемь—Сорока, стальною лентой протянулся новый путь—“чугунка”, а дальше на юг уезда передвижение остается и по сие время в неизменном своем положении. В другое же время года здесь, хотя и есть возможность прокатиться до Сороки по “чугунке”, но от Сороки до Сумы и дальше вам предстоит путешествовать по образу пешего хождения или в лучшем случае на таратаике по почтовому тракту Сорока—Сума, не без риска застрять в топкой болотной трясине и скакать “по сорочьи” с ухаб на ухаб. Конечно, охотников на такое путешествие не много. Что же касается пароходного сообщения между селами Поморья, то оно поддерживается весьма не регулярно, и зачастую приходится ожидать его прихода целыми неделями. Само собой разумеется, что поморы предпочитают первобытный (когда еще не было—ни “чугунки”, ни пароходов и даже почтовых трактов), более удобный, хотя и не так скорый,—путь карбасной. Мой очерк как раз и передает впечатления одной из поездок по Поморью этим путем летом 1922 г.

„Полтам-Корга“.

Тихо скользит наш карбас по зеркальной поверхности залива золотистыми лучами июльского утрен-

него солнца Белого моря, ловко лавируя среди целого лабиринта „лудушек“^{*)}, то зеленеющих, поросших густоко растительностью, то серых, загроможденных беспорядочно набросанными друг на друга камнями и своим унылым видом наводящих жуткое впечатление... Изредка мы вспучиваем целые стаи пернатых обитателей этих островков, провожавших нас своими пронзительными криками... Ничто не может быть чудеснее карбасного путешествия в тихую, спокойную погоду, когда зеркальная поверхность моря не шелохнется, и по ней плавно скользит карбас под дружные удары весел „женок-гребцов“... Я начинаю дремать, полулежа на дне вместительного рыбакского карбаса, убаюканный ритмическими ударами весел и мето-дичным журчанием воды под лодкой.

— „А уж не спеть ли хоть песенку, не так уж скучно будет? Мы всегда дремоту песнями разгоняем“, — не то ко мне, не то сама к себе обращается „женка-кормщик“. На корме нашей лодки за правильным веслом, заменяющим в рыбакском карбасе руль, сидела женщина—типичная поморка, когда-то выделявшаяся среди подруг своей красотою.

Над спокойным морем полились в синеющую даль морской зыби звуки поморской песни, такие-же грустные и томные, как и сама жизнь поморки, и все кругом как-будто притихло, чутко прислушиваясь к этой грустной мелодии, похожей по-

^{*)} Небольших островков в заливе моря около Кеми.

рою не то на завывание ущельях гор, не то на стон стихии... Но вот звуки этились, прокатясь в последний эхом по „луду“ замерли, а на смену им новые веселые звуки песен формы—“частушки”.

— Что же, вам такие песни не нравятся? спросил я же.

— „Они легче для пения, будто веселее... Мы их все сочиняем“.

Песни новой формы все более вытесняют характерные народные мотивы. Современные импровизации отличаются мелодичностью и остроотой; для здешней они служат пассивным оружием помощи которого она борется с житейскими несправеденностями, вроде бабьих сплетен родительской воли и т. п. песня новой формы народного духа нашей деревни должна сыграть видную роль деревенской женщины...

Меж тем наш карбас, пытаясь привычными ударами гребцов, быстро скользит нас все дальше и дальше от берега. Вот уже и с виду Кемский порт с лесозаводом и строениями на „Попов“^{**)}, а вдали на горизонте показалась краснавка „корга“, белеющейся на ней избушка.

— „Вот и Полтамская слава—богу доехали“, затянула женщина; „здесь мы пристанть“.

Эту коргу, на которую в скромном предании выбросило на мертвую деву, сидящую на избе, мне приводилось видеть лододромом, но быть на ней еще в первый раз. Вступив в густо поросший зеленоющими растительностью, я сразу же плавал большое душевное у

^{*)} С 1921 г. этот остров переходит в остров „Революции“.

^{**)} Не большой сравнительно островок, поросший растительностью.

рою не то на завывание ветра в ущельях гор, не то на стон морской стихии... Но вот звуки эти прервались, прокатясь в последний раз отдаленным эхом по "лудушкам" и замерли, а на смену им полились новые веселые звуки песни новой формы—"частушки".

— Что же, вам такие песни больше нравятся? спросил я женок-гребцов, когда они перестали петь.

— Они легче для пения и как будто веселее... Мы их ведь сами сочиняем».

Песни новой формы все более и более вытесняют характерные русские народные мотивы. Современные импровизации отличаются меткостью и остротою; для здешней поморки они служат пассивным орудием, при помощи которого она борется с разными житейскими несправедливостями, вроде бабьих сплетен, суровой родительской воли и т. п. Поэтому песня новой формы народного творчества нашей деревни должна в будущем сыграть видную роль в жизни деревенской женщины...

Между тем наш карбас, под дружными привычными ударами женок-гребцов, быстро скользит, увлекая нас все дальше и дальше от Кемского берега. Вот уже и скрылся из виду Кемский порт с лесопильным заводом и строениями на острове "Попов" *), а вдали на горизонте показалась красивая "корга" **) с белеющейся на ней избушкой.

— Вот и „Полтамская Корга“!.., слава—богу доехали", затаротили женки; „здесь мы пристанем чай пить“.

Эту коргу, на которую по поморскому преданию выбросило волнами мертвую деву, „сидящую на прялке“, мне приводилось видеть лишь проездом, но быть на ней пришлось еще в первый раз. Вступив на берег, густо поросший зеленекоцей растительностью, я сразу же почувствовал большое душевное удовлетворение...

рение... Действительно, здесь было так уютно и спокойно после утомительного путешествия в карбасе, что не поддаваясь невольному искушению растянуться на мягкой, душистой траве, было невозможно, и я под впечатлением только что виденного прожитого скоро уснул крепким сном под тихий шелест лиственных деревьев и ритмические всплески волн, разбивающихся в своем обычном морском прибою о гранитные выступы „корги“.

— „Доброй щёлков! Вставайте цай пить!“—произвучал над моим ухом певучий женский голос. Пробуждаюсь от сна, лениво потягиваясь, и поднимаюсь на ноги.

Уже вечерело. Над самым морем висел громадный красноватый диск заходящего солнца, от которого уже не исходило никаких лучей, и только по зеркальной поверхности моря пробегала длинная золотистая полоса... Женки сидели за чаем, расположившись на лужайке по близости от избушки, и аппетитно (после здорового гребного спорта на протяжении 20 верстного пути) закусывали шаньгами *), доставая их каждая из своей корзинки. Я присоединился к их компании. За чаем женки рассказали мне интересную легенду о „Полтамской деве“, „в Поморье еще до сих живы предания седой старины“.

„Давно это было,—повествовали мне рассказчицы. В досельное время однажды к этой „корге“, спасаясь от „погодушки“ **), пристал карбас с богоизбранным семейством—из мужа с женой и их большой дочерью девочкой. Здесь они были поражены страшной находкой. На одном из выступов скалы покоялась, сидя на прялке, красивая мертвая девушка, одетая в костыль.***) Когда ее тело было предано земле, совершилось чудо, которое и упрочило за этим

*) С 1921 г. этот остров переименован в остров „Революции“.

**) Шторм, морская буря.

***) Вид русского сарафана, который носят здесь только староверки и их приверженцы,

белого моря, ловко ла-
целого лабиринта „лу-
вленеющих, поросших
тельностью, то серых,
ых безпорядочно на-
ругут на друга камнями
мым видом наводящих
тление... Изредка мы
елье стаи пернатых
их островков, прово-
воими пронзительными
что не может быть
асного путешествия в
ной погоду, когда зер-
хность моря не шлох-
ней плавно скользит
ружные удары весел
в... Я начинаю дре-
на дне вместитель-
карбаса, убаюканный
ударами весел и мето-
ием воды под лодкой.
спеть-ли хоть песенку,
кучно-то будет? Мы
у песнями разгоняем“,
е, не то сама к себе
женка-кормщик“. На
подки за правильным
ющим рыбаком кар-
женщина—типичная
да-то выделявшаяся
своей красотою.
ным морем полились
даль морской зыби
кой песни, такие-же
ные, как и сама жизнь
е кругом как-будто
ко прислушиваясь к
мелодии, похожей по-
островков в заливе моря

островком его популярность. Больная девочка, которую родители нарочно везли в Кемь к одному известному в то время старику—захарю, сделась совершенно здоровой. В ознаменование этого события на острове почтителями „Полтамской девы“ была построена часовня, которая создала острову широкую известность среди староверов Поморья и сюда долгое время щедро лились „доброхотные“ приношения, пока эта часовня не была разрушена одним из становых приставов царского времени.

В данное время около берегов этой „корги“ начинают развиваться рыбные и зверобойные промыслы. Сюда еще по ранней весне, когда жгучие лучи весеннего солнышка пробуждают от зимней спячки суроющую природу Поморья, наезжают на

лодках рыбаки—поморы из с. Щуи и производят неводами лов корюхи и селедки, а специальными сетями и из огнестрельного оружия ловят и бьют зверя: морского тюленя, зайца, нерпу и белуху. В летнее же время сюда на промыслы приезжают рыбаки и из Сороки, от Сорок до „корги“ более 60 верст, где и про мышаются кроме селедки еще и сига, семга и др. рыбу, живя на этой „корге“ безвыездно целыми месяцами.

Напившись чаю, мы тронулись с „Полтам-Корги“ в дальнейший путь. Женки—гребцы, подкрепившие свои силы плотной закуской, еще дружнее заработали веслами, и наш карбас быстро заскользил по зеркальной зыби моря, бросая в сторону от себя длинную тень по воде вечерних сумерек.

И. Дуров.

(Продолжение следует).

СЕЛЬСКОЕ ХО

Новая деревня

(Письмо из Олонца)

Установившийся санный возможности агрономам Северда выехать в уезд. В незначительного составаников, всего из агронома тора по животноводствулисты имеют постоянное в Уездном Центре. Голода хотя и незначительной ской организацией учительствуетворяется в пределахности.

Скудные средства, отсутствие на разъезды, отсутствие саней делает агронома редко в деревни. Устроенная в осенняя с/х выставка, состоящая на Всероссийскую сделали громадную брешь ском консерватизме, проявившийся в бокий и серьезный интерес к культурным мероприятиям.

Деревня зашевелилась. Революция, переживаемая как следствие земельного получения налогом по дальному межевания, создала юдиную потребность тесного агронома и крестьянина, который уже предъявлял практике серьезные требования к агрономам. Коренному улучшению села, а агроном чутко реагирует на глухому шуму деревни, разывающей старые мехи, старые мехи, которые не сходились так хорошо, как крестьянин и агронома теперь. То, что де-